

ПЕРЕЩЕПИНСКИЙ КЛАД

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЭРМИТАЖ

ПЕРЕЩЕПИНСКИЙ КЛАД

(к выставке «Сокровища искусства Древнего
Ирана, Кавказа, Средней Азии»)

ЛЕНИНГРАД . 1972

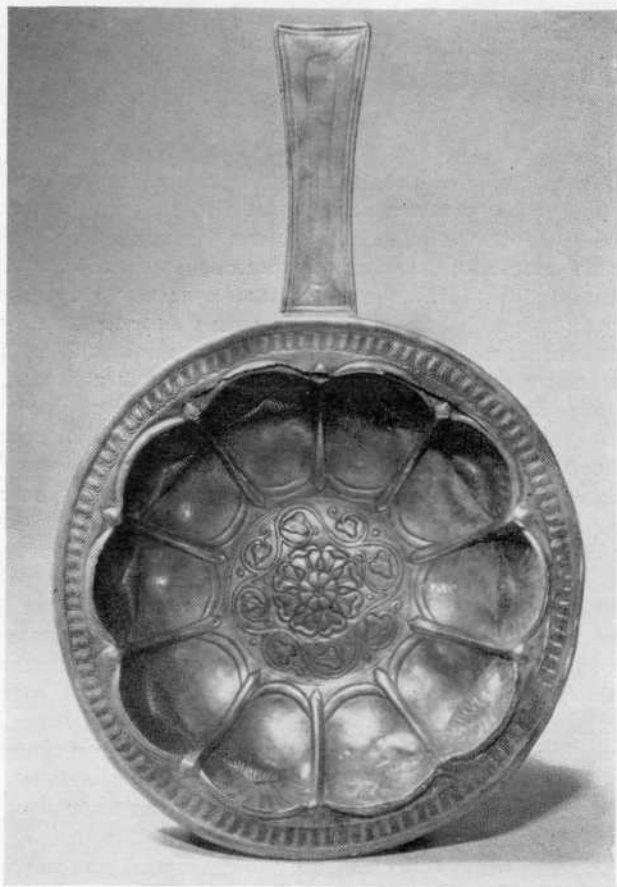
На первой странице обложки: Кувшинчик из золотых листов.

На четвертой странице обложки: Золотые седельные обкладки.

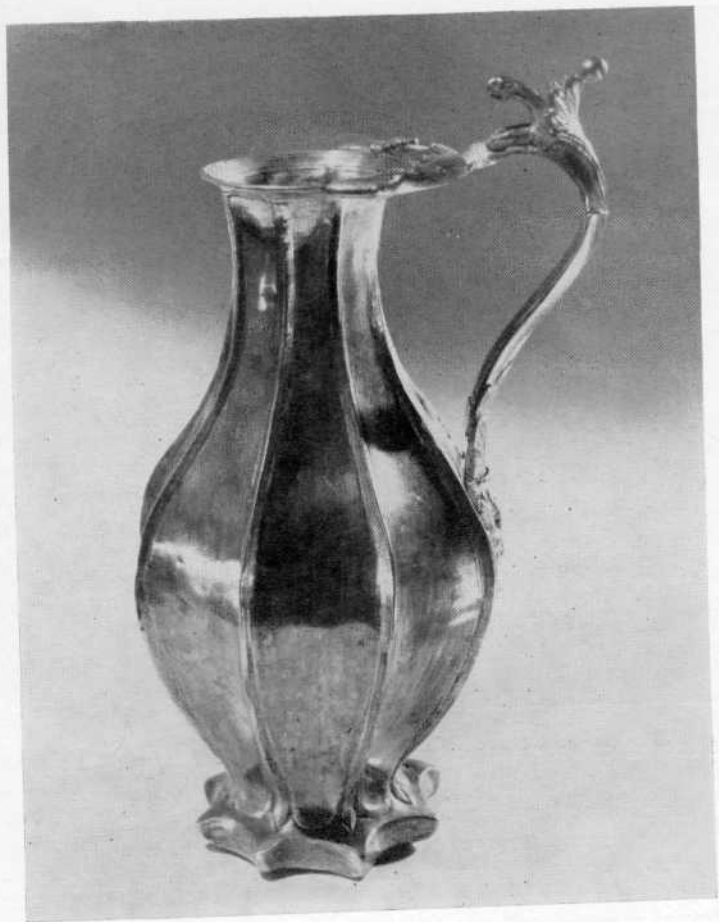
Богатейший клад, случайно найденный в 1912 г. в с. Малое Перещепино под Полтавой, до сих пор остается загадочным. Кто и почему спрятал в землю это сокровище, состоявшее из целых сервизов золотых и серебряных сосудов, из множества пластинок листового золота, из оружия в золотой оправе, золотых поясов и перстней, а также колчана, седла и сбруи, щедро покрытых золотыми украшениями? Даже стремена в этом наборе не железные, а литого серебра! Как собрались в руках одного человека или одной дружины византийские церковные сосуды, наборные пояса с ритонами и прямые сабли, характерные для кочевников Евразии раннего средневековья, серебряное блюдо с портретом иранского царя династии Сасанидов Шапура II, массивный кувшин и две чаши из золота, изготовленные для сасанидского двора?

До сих пор исследователи искали ответы на загадки перещепинского клада главным образом на европейской почве. Прежде всего, набор византийских вещей и монет оказался похожим на наборы вещей из аварских княжеских могил Подунавья. Кочевники-авары, обосновавшиеся на Дунае, не только грабили византийские города, но и получали постоянную дань за «сохранение мира». Для выкупа разрешалось отдавать варварам даже церковные сосуды. Самая поздняя монета Византии из Перещепина выпущена императором, умершим в 668 г., примерно за два года до того, как авары, оттесненные от Византии новыми пришельцами — болгарами, — перестали получать дань империи. Датированные клеймами византийские сосуды, как и монеты, — не моложе середины VII в. (*витрина 11*). Во-вторых, многие украшения поясов, золотые и серебряные кубки, однолезвийная сабля, ритон похожи на вещи, найденные в тех же аварских могилах VII в.

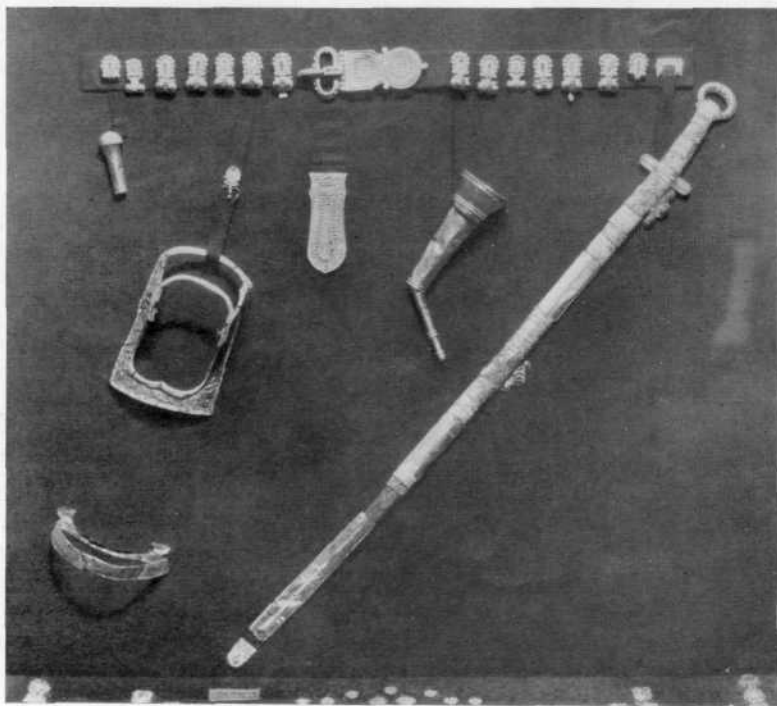
Эти сопоставления настолько наглядны, что сделавший их венгерский ученый Д. Ласло счел их достаточными, чтобы предположить, что здесь, в Перещепине, было найдено сокровище государя восточной группы аваров, поселившегося в Приднепровье.

*Ковш из византийского серебряного прибора
для омовения рук епископа. 582—602 гг.*

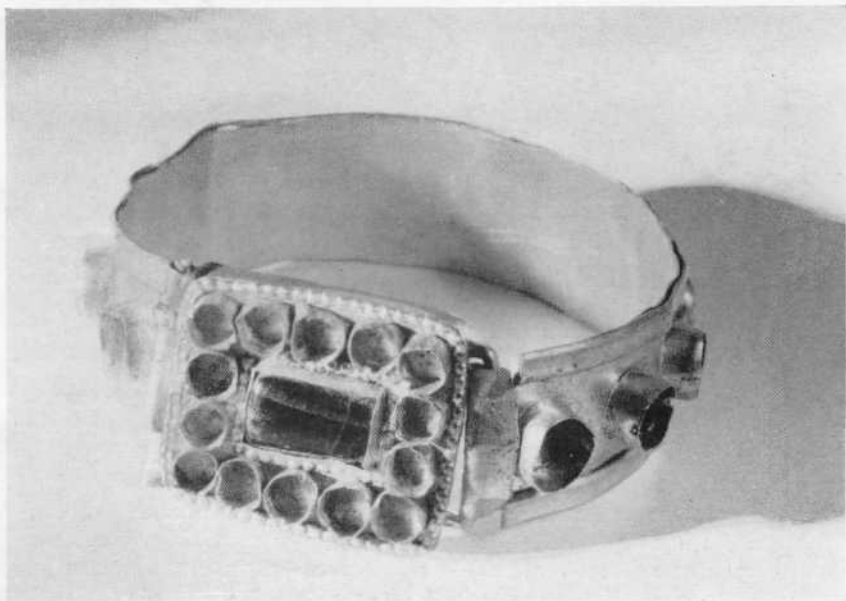

*Кувшин из византийского серебряного прибора
для омовения рук епископа. 582—602 гг.*

Поясной набор из «псевдопряжек» с саблей, ритонем и колчаном.

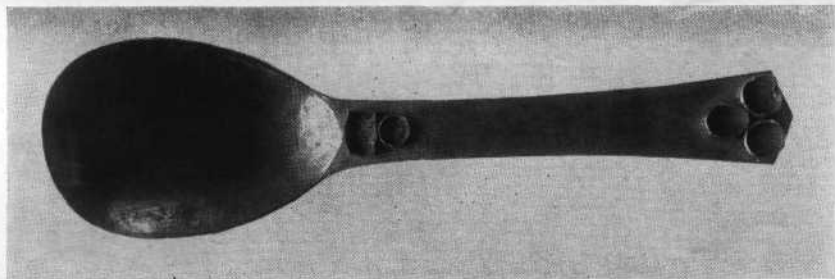
Но так можно объяснить только два набора вещей: византийский и аварский, а в «клад» входят и другие наборы. Например, несколько золотых вещей (пара браслетов, гривна, застежки, ложка и ожерелье из византийских монет) были украшены напаянными гnezдами для камней. Мастер с варварским пренебрежением к священной для византийцев особе императора припаял гnezда прямо к лицам кесарей, вычеканенных на монетах (*витрина 12*).

Золотой браслет с гнездами для камней.

В этом наборе ценность материалов — золото и уральские изумруды — контрастирует с грубостью работы. В то же время другие золотые вещи, напротив, показывают сохранение и развитие двух основных традиций причерноморских ювелиров: украшение всей поверхности перегородчатой инкрустацией цветным стеклом или же отдельными стеклянными вставками в золотых гнездах. Между вставками и по краю — орнаментация из зерни в форме ромбов и треугольников и из филигранны.

Некоторые ученые считали, что перещепинские находки принадлежат славянам — союзникам аваров по балканским походам. Однако Г. Ф. Корзухиной

Золотая ложка с гнездами для камней.

удалось показать, что клады оседлых народов Восточной Европы состояли из совсем других вещей и что в Перещепине был найден не клад, а погребение предводителя кочевников, подобное еще нескольким степным погребениям.

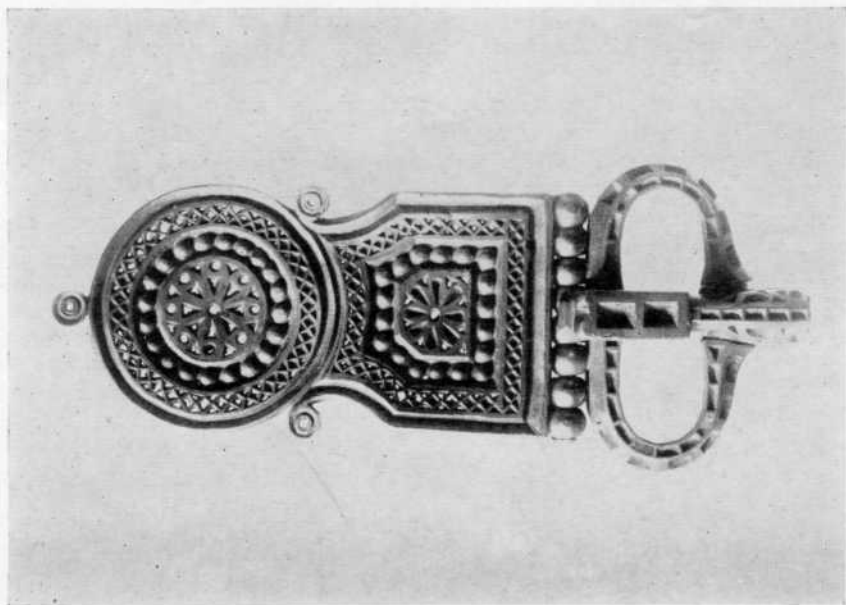
В рассказах людей, нашедших клад, упоминаются доски и даже кости. Прорбитые гвоздями золотые листки, видимо, были когда-то облицовкой деревянного гроба. Да и набор вещей — оружие, конская сбруя, украшения, пиршественные сосуды из металла и стекла — характерен не для клада, а именно для богатого погребения. Наборы вещей, близких к перещепинским, но уже не столь близких к аварским, были обнаружены на Украине в могилах с трупосожжением (Глудосский и Вознесенский «клады»), а также в могиле кочевника, похороненного вместе с конем, у с. Арцыбышево на Рязанщине.

Итак, перещепинское сокровище принадлежало не аварам, а каким-то другим кочевникам, которые могли ограбить аваров так же, как сами авары ограбили византийцев. Такими кочевниками были жившие в восточноевропейских степях болгары, которые позднее дали свое имя балканской Болгарии. Но ничего специфически болгарского в памятниках «перещепинской культуры» нет. Болгары в конце VII в. уже не господствовали в степях. Они частью ушли на Балканы, а частью покорились новым могущественным владыкам южных земель Восточной Европы — хазарам.

Последним (до Эрмитажа) владельцем перещепинских сокровищ был, вероятнее всего, один из знатнейших хазар. К этому выводу подводит исследование

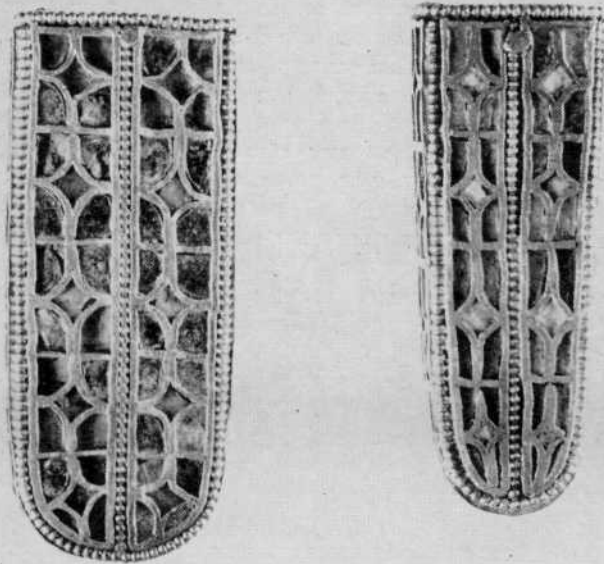
Золотой браслет с инкрустацией.

Золотая пряжка от пояса с инкрустацией.

Г. Ф. Корзухиной, которая показала историческую обстановку, сложившуюся на юге нашей страны на рубеже VII—VIII вв.

Именно с хазарами связывают появление на Дону и на Украине иранских серебряных сосудов. Восточные купцы везли серебряные сосуды в Прикамье, где обменивали их на меха. Поэтому большинство иранских и среднеазиатских сосудов попало в Эрмитаж из уральских кладов, но часть их застревала на хазарских таможах по волжскому пути. Эти сосуды потом и украшали пиры хазарской знати, а после смерти владельцев сопровождали их в могилу. Сасанидское серебро было найдено и в Перещепине, и в Глудосах.

Золотые наконечники ремней с перегородчатой инкрустацией.

По мнению М. И. Артамонова, перещепинский клад и сходные с ним памятники — это могилы тюркской знати, возглавившей хазарский каганат — восточноевропейский осколок мировой державы евразийских степей, — первого тюркского каганата, простиравшегося в конце VI в. от Крыма до Манчжурии и от Енисея до Аму-Дарьи.

История сложения перещепинского сокровища восстанавливается по схеме «вор у вора дубинку украл»: авары нападали на Византию или вымогали у нее выкуп, болгары нападали на самих аваров, хазары в свою очередь расправлялись с болгарами в причерноморских степях. К истории грабежей надо присоединить, наверно, и судьбу двух золотых сосудов перещепинского клада — сасанидского кувшина и сасанидской ложчатой чаши (*витрина 11*). Это вещи гораздо более ценные, чем те, которые возили с собой купцы. В Приуралье найдено очень много серебряной посуды, но ни одного золотого сосуда. Такие массивные золотые вещи покидали царские дворцы Сасанидов только при чрезвычайных обстоятельствах. В 620-х гг. византийскому императору Ираклию удалось захватить одну из главных святынь Ирана — храм в Шизе — и царскую резиденцию Дастакерд. Союзниками Ираклия были западные турки — хазары. Известен эпизод, когда во время этого похода византийский император после пира подарил своему кочевому союзнику всю драгоценную посуду пиршественного стола.

В Мильской степи в Северном Азербайджане было найдено погребение участника хазарских походов с похожим на перещепинские находки оружием и снаряжением и с перстнем, который, судя по надписи, первоначально принадлежал какому-то персу.

До сих пор перещепинский клад представлялся случайным собранием награбленных в разных странах предметов. Однако если изменить направление поисков и исследовать не только европейские, но и азиатские аналогии, то окажется, что в этом же кладе есть памятники своеобразного стиля, в котором, как это можно показать, традиции центральноазиатских кочевий сочетаются с влиянием искусства оседлых народов Средней Азии, в свою очередь творчески воспринявших наследие сасанидского Ирана.

К вещам своеобразного стиля относятся: украшения седла и колчана, одна золотая пряжка, золотые обкладки яйцевидного кувшинчика с широким отогнутым бортом и кольцевидной ручкой, реконструированного К. М. Скалон,

*Золотые сасанидские сосуды:
кувшин, ложчатая чаша, чаша с рифленой поверхностью.*

Кочевнические сосуды: золотой кубок с узором из волют, золотой кувшин на ажурном поддоне, серебряный кувшин.

золотой и серебряный сосуды той же формы и некоторые из кубков с орнаментом в виде пальметт (*витрина 12*). Все эти изделия, не находящие аналогий даже в самых близких к перещепинскому «кладах», одновременно оказываются недостающими звеньями в эволюционных рядах форм и орнаментов, характерных для искусства многих народов раннего средневековья.

Перещепинские кружки-кувшины по форме связывают в единую цепь тюркские и киргызские сосуды с кувшинчиками из аварских могил в Боче. Кунагоге, Қишқброше. У тюрков Тувы такие сосуды делали не только из металла, но и из дерева.

Аварские торевты отказались от плавного изгиба плечика и сделали над овальным в профиле туловом воронковидное горло, но в немногочисленной художественной керамике аваров (так называемая желтая керамика) воспроизводится плавный, близкий к перещепинскому профиль кружек. Интересно, что на двух керамических кружках (Соколач, Сегед-Кундомб) красной краской нанесены линии, совпадающие по своему расположению с краями золотых листов обкладки деревянного кувшинчика из Перещепина.

Перещепинские находки показывают, что ручка в виде кольца из шариков, обычная для тюркского серебра, появилась уже в VII в. На среднеазиатских сосудах конца VII и VIII в., связанных с танской традицией, прослеживаются только пережитки этого мотива. Фигурные прокладки между ручкой и стенкой сосуда также находят аналогии в тюркской и среднеазиатской торевтике.

Гончары окрестностей Самарканда в конце VII в. воспроизводили в глине местный вариант серебряных сосудов, восходящих к тому же кочевническому образцу.

Кубки на ножке были широко распространены в VI—VIII вв. Разные варианты этих кубков известны по находкам в Венгрии и в Китае, они изображены в руках пирующих вельмож на росписях Балалык-тепе близ Термеза и в руках каменных изваяний среднеазиатских тюрков.

Перещепинские кубки различаются по членению корпуса и по орнаменту, но они ближе между собой, чем с кубками из аварских могил. Судя по орнаментам, эти сосуды восходят к византийским образцам, но все они выполнены варварским мастером.

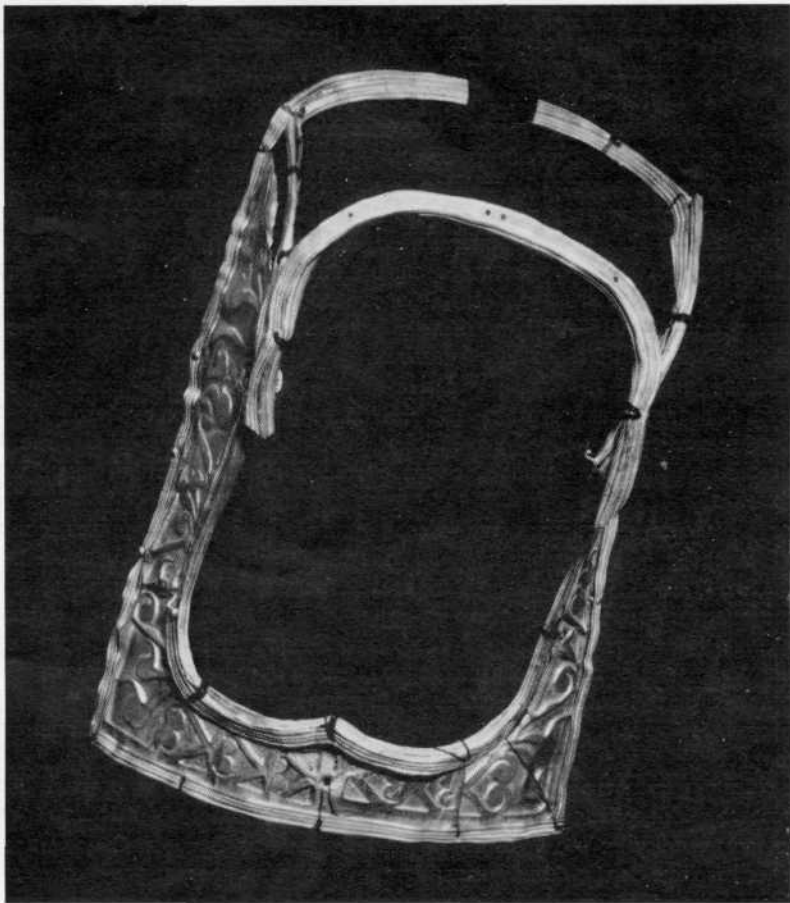
Орнаменты перещепинских изделий еще важнее, чем их формы. Часть кубков, пряжка, петли ножен и золотые обкладки колчана, седла и кувшинчика укра-

шены орнаментом, состоящим из «растрепанных» пальметт. За исключением литых петель ножен и пряжки, все эти вещи близки по технике (рельефная чеканка из тонкого листа) и по грубоватому выполнению. Лопастей пальметт делятся на три вида: с длинным изогнутым окончанием, с окончанием углом и с волутой на конце. На некоторых вещах встречаются все виды лопастей, а на других — только третий. Орнамент из одних волут, объединенных в пальметты или в другие композиции, покрывает тела львов (по Д. Ласло, — седельное украшение) и стенки кувшина. Он есть и на кубках. На Алтае и на Енисее орнамент из таких же волут был характерен не для золота, а для простых материалов: кости, рога и берёсты (Катанда, курган 5, 1954 г., Уйбат II).

Композиция и ритм узора совпадают на золотых перещепинских и роговых катандинских седельных накладках, а детали пальметт на катандинских накладках очень похожи на соответствующие детали золотых фигур львов и обкладок кувшина из Перещепина. Таким образом, сибирский вариант представляется дальнейшим развитием и упрощением орнамента, чеканенного на перещепинских золотых вещах.

Стилизация и упрощение к началу VIII в. наблюдаются и в европейских версиях этого орнамента. Золотые изделия с пальметтами: пряжка из Харьковки и поясной набор из Ясновова на Украине, золотая ручка ковша, бляшки и пряжки из Врата в Албании, а также многие из литых бронзовых пряжек и бляшек аварских наборов VIII в. с орнаментом в виде лозы — сохраняют более или менее искаженные, но достаточно ясные следы перещепинского стиля. Таковы, например, «растрепанные» пальметты из волут в наборах из Мартэй и Ороньшдьереша. Происхождение декора литых поясных наборов Подунавья до сих пор оставалось загадочным. Для некоторых мотивов были найдены византийские прототипы, но более непосредственные связи прослеживаются, как показал И. Вернер, с орнаментом Средней и Центральной Азии. Необходимым звеном в этой цепи аналогий становится Перещепино.

Первоначально не характерный для кочевников стилизованный растительный узор, распространившийся в степях в конце VII—VIII в., нигде не выдает следов своего происхождения. Только в Перещепине, где он в наибольшей степени сохраняет растительный характер, видны пережитки орнамента оседлых областей Средней Азии, послужившего, в конечном итоге, прототипом для всей серии.

Золотая отделка устья колчана.

Пальметта с растрепанными лепестками характерна для согдийских памятников долины Зеравшана (оссуарные крышки Бия-Наймана — *вытрина 12, № 31*, росписи Пенджикента и т. д.). Лопасты такой пальметты соответствуют первому и второму виду лопастей перещепинских пальметт.

Перещепинская пальметта имеет менее динамический и органичный характер, чем согдийская. Чувствуется, что это переходный этап усвоения чужеземного орнамента. На поясных наборах аваров, гораздо дальше отстоящих от согдийских образцов, встречается, однако, мотив стебля с тремя кружками на конце, который сочетался с пальметтами в декоре бия-найманских крышек. Как рудимент восточного орнамента сохраняются на некоторых аварских изделиях участки с гравированным узором на фоне, обработанном кольцевым пунсоном. Такая техника в VII—VIII вв. была характерна для Средней Азии и Китая, но не для соседившей с аварами Византии.

Согдийская пальметта была результатом длительного развития, которое начинается в позднесасанидском Иране. Наиболее близкая к согдийской форма засвидетельствована на территории Афганистана (Бамиан, грот G), где сасанидское влияние встретилось с воздействием гуптского стиля индийского орнамента.

Можно было бы перечислить много совпадений в декоре перещепинских изделий «своеобразной» группы и среднеазиатских серебряных сосудов, причем совпадений не пальметт, а других деталей, но бесспорно сасанидские изделия не находят в местных вещах никаких аналогий, хотя сасанидские блюда и кувшины уже тогда попадали в Восточную Европу. Понадобилось более столетия бытования этих привозных сосудов, чтобы здесь появились реплики сасанидских форм и мотивов (Начь Сент Миклош).

Что же дает детальное рассмотрение нескольких орнаментов для понимания исторического значения перещепинской находки?

Согдийская пальметта была результатом длительного развития, которое начинали составлять необходимый элемент тюркских кочевых империй. Купцы, ремесленники, чиновники и дипломаты, происходившие из Бухары, Самарканда и других городов Согда, были нужны каганам, недавно превратившимся из племенных вождей в могущественных государей. Даже официальная надпись тюркского кагана на обнаруженной в Монголии каменной стеле VI в. была написана по-согдийски.

Тюрки и хазары не раз воевали с Ираном, но сасанидское искусство проникало в степи и леса Восточной Европы главным образом через среднеазиатских купцов. На многих серебряных сосудах нанесены согдийские или хорезмские надписи. Согдийские цифровые значки нацарапаны и на дне блюда с портретом Шапура II из Перещепина. Судя по надписям владельцев на нескольких византийских сосудах, найденных в Прикамье, их путь на Урал также лежал через Среднюю Азию. Эти сосуды согдийские купцы могли получать как прямо от византийцев, так и от грабивших Византию варваров. Мы не знаем также, помогали ли согдийские купцы арабам реализовать их добычу, захваченную в первой половине VII в. в покоренном Иране, или они получали сасанидское серебро от персидских эмигрантов.

Трудно сказать, в какой мере отразилась в сложении перещепинского сокровища международная торговля, а в какой мере — те или иные грабительские набеги. Гораздо важнее, что здесь нам удается увидеть, как в ставке варварского князя начинает складываться новый стиль, опирающийся, с одной стороны, на традиции степей, а с другой — на культурные достижения Средней Азии и Ирана.

Б. И. Маршак, К. М. Скалон

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- В. Н. Бенешевич. Надписи и клейма на сосудах. К изучению Перещепинского клада. «Известия Археологической комиссии», т. 49, СПб., 1913.
- А. А. Бобринский. Перещепинский клад. «Материалы по археологии России», т. 34, Пг., 1914.
- Л. А. Мацулевич. Большая пряжка Перещепинского клада и псевдопряжки. *Seminarium Kondakovianum*, v. I, Prague, 1927.
- L. A. Matzilewitsch. *Byzantinische Antike*. Berlin — Leipzig, 1929.
- И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935.
- Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», 1939, № 1.
- G. Laszlo. *Études archéologiques sur l'histoire de la société des avars*. *Archaeologia Hungarica, series nova*, t. XXXIV, Budapest, 1955.
- Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. «Советская археология», XXII. М., 1955.
- М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1965.
- А. Т. Смиленко. Глодоськи скарби. Київ, 1965.
- А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.—М., 1965.
- М. И. Артамонов. Славяне и болгары в Поднепровье. *Berichte über den II internationalen Kongress für slavische Archäologie*. Bd I, Berlin, 1970.

12 коп.

